

«Исламский социализм» в Пакистане: эволюция, реализация и наследие во внутренней и внешней политике страны

 Г.Г. Макаревич

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук

Статья посвящена анализу феномена «исламского социализма» в Пакистане и его влияния на современную внутреннюю и внешнюю политику государства. В качестве методологической основы автором избран подход, сочетающий критическую теорию, теорию элит и историческую социологию международных отношений. Их сочетание позволило выявить логику целеполагания представителей политического класса, деконструировать пакистанскую государственность, выделяя социальные группы, влияющие на выбор траектории его развития, оценить объективное влияние прошлого на характер действий рассматриваемых социальных групп, а также проанализировать попытки конструирования прошлого в политических целях. В статье последовательно рассматриваются истоки дискурса «исламского социализма», предпринимается попытка критического осмысления выбранного элитами Пакистана основания для создания «государства мусульман». В этой связи прослеживается эволюция дискурса в первые десятилетия независимости страны и указываются причины, побудившие правительство прибегнуть к модели «исламского социализма». Рассматривается имплементация курса «исламского социализма» в годы правления Зульфикара Али Бхутто (1971–1977 гг.) и выделяются причины его неудач, приведших к военному перевороту. Анализируется внутренняя и внешняя политика Пакистана и вызванные в ней изменения с принятием концепции «исламского социализма», оказавшиеся актуальными и после отказа от рассматриваемой модели развития. Автор приходит к выводу, согласно которому сконструированный пакистанскими элитами с ориенталистским типом мышления «исламский социализм» стал ситуативным ответом на вызванный внешними и внутренними факторами кризис пакистанской государственности, однако этот же ситуативный ответ парадоксальным образом закрепил ключевые векторы внешней политики Пакистана, а именно – отношения с КНР и исламским миром, которые впоследствии стали восприниматься как объективно обусловленные императивы внешней политики Пакистана.

Ключевые слова: Пакистан, «исламский социализм», ориентализм, США, КНР, исламский мир

УДК 94:327(549.1)

Поступила в редакцию: 28.04.2023

Принята к публикации: 22.10.2023

*«О Фаиз! Пускай пустыня всё ещё пока – пустыня, –
Словно красные тюльпаны, кровью ран цветёт весна»*

Фаиз Ахмед Фаиз (1911–1984),

пакистанский поэт и лауреат Ленинской премии

Ускорившийся после окончания Второй мировой войны процесс деколонизации привёл к созданию новых независимых государств, перед которыми встала необходимость определять траекторию своего развития в мире, в котором к тому моменту складывалось два условных центра силы – капиталистический лагерь во главе с США и социалистический лагерь во главе с СССР. При этом историческое развитие в доколониальную и колониальную эпоху, особенности национально-освободительного движения, поставленные новообразованными элитами стратегические цели предопределяли вариативность траекторий встраивания постколониальных государств в систему международных отношений.

В 1970-е гг. пакистанские элиты пытались руководствоваться принципами «исламского социализма» – идеологического конструкта, совмещающего представления элит о мусульманских ценностных ориентирах населения Пакистана и левопопулистских установок «второго мира». Существовали ли объективные предпосылки для использования такого конструкта? Насколько его применение зависело от внутренних факторов – расстановки сил на политической арене Пакистана, и внешних – политико-идеологических установок союзников из западного блока, а также их действий в критические для страны моменты? Какие новшества он внёс во внешнюю политику Пакистана, каково их место в современной внешнеполитической стратегии страны?

Настоящая статья посвящена анализу феномена «исламского социализма» в Пакистане и его влиянию на современную внутреннюю и внешнюю политику государства: рассматриваются истоки этого дискурса, его эволюция в первые десятилетия независимости страны, имплементация курса в годы правления З.А. Бхутто (1971–1977 гг.), новые направления внешней политики.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы изучались ранее. Из зарубежных публикаций большое влияние на ход исследования оказала классическая работа Э. Саида «Ориентализм» (Саид 2021), которая позволила автору рассмотреть образ мышления отцов-основателей Пакистана с позиций критической теории. Отметим и статью С.А. Панарина (Панарин 2015), в которой ставится под вопрос доказательность основных тезисов классика постколониальной теории.

Среди отечественных исследователей стоит также отметить В.Я. Белокреницкого (Белокреницкий 2015) и В.Н. Москаленко (Москаленко 1984), подготовивших как множество уникальных работ по вопросам политического процесса в стране и её внешней политике, так и совместную фундаментальную монографию по истории Пакистана (Белокреницкий, Москаленко 2008). Представлен-

ный в статьях А.Л. Филимоновой (Филимонова 2010а, 2010b) исторический материал позволил указать на конкретные проявления ориентализма в деятельности лидеров национально-освободительного движения. Работы специалистов по экономике Южной Азии Н.В. Галищевой (Галищева 2018) и С.Н. Каменева (Каменев 2014) указали на закономерности развития экономики Пакистана.

Среди трудов пакистанских исследователей, разрабатывавших смежную проблематику, выделяется книга Мохаммеда Васима (Waseem 2021), посвящённая проблемам национального строительства в Пакистане. Статьи И. Джаведа (Javed 2015), И. Ахмеда (Ahmed 2010), Б. Бадеджо (Badejo 1988) и А. Сиддики (Siddiqi 2020) позволили раскрыть эволюцию идей «исламского социализма» и его влияния на внешнюю политику Пакистана. Кроме того, рассматривались работы индийских авторов – И. Малхотры (Malhotra 2003) и С. Рагхавана (Raghavan 2019), посвящённые истории политических режимов Южной Азии и проводимой ими внешней политики. В процессе написания статьи в качестве источников привлекались ключевые нормативно-правовые акты, предвыборные партийные программы, политические речи.

В качестве методологической основы статьи автором избран комплексный подход, сочетающий критическую теорию, теорию элит и историческую социологию международных отношений. Применение инструментов критической теории необходимо для анализа целеполагания представителей политического класса, оценки влияния на политический процесс существующей в момент принятия политических решений среды и их собственных представлений о реальности; обращение к теории элит видится необходимым для деконструкции пакистанской государственности, выделения конкретных социальных групп, влияющих на выбор траектории его развития; историческая социология международных отношений является методологическим базисом исследования, позволяющим оценить объективное влияние прошлого на характер действий рассматриваемых социальных групп, а также рассмотреть их попытки конструирования прошлого в политических целях.

На наш взгляд, сконструированный пакистанскими элитами с ориенталистским типом мышления «исламский социализм» не только являлся ситуативным ответом на вызванный внешними и внутренними факторами кризис пакистанской государственности, но и послужил закреплению ключевых векторов внешней политики Пакистана, а именно – отношений с КНР и исламским миром, которые даже после падения режима З.А. Бхутто стали восприниматься как объективно обусловленные императивы пакистанской внешней политики.

Автор стремится продемонстрировать парадоксальность формирования внешнеполитических приоритетов Пакистана. С одной стороны, союзнические отношения Исламабада с КНР и странами Залива принято считать «естественными» и «объективно обусловленными» по целому ряду политических, исторических и культурных причин. С другой стороны, их окончательному за-

креплению способствовал субъективный фактор – реактивное использование конструкта, обусловленное необходимостью решения внутренних проблем Пакистана.

В статье последовательно рассматривается дискурс «исламского социализма», предпринимается попытка критического осмысления выбранного элитами будущего Пакистана основания для создания «государства мусульман»; прослеживается эволюция дискурса в первые десятилетия независимости страны и указываются причины, побудившие руководство государства прибегнуть к модели «исламского социализма»; рассматривается имплементация курса в годы правления З.А. Бхутто и выделяются причины его неудач, результатом которых стал военный переворот; оценивается место дискурса в современной внутренней политике страны; анализируется внешняя политика Пакистана и вызванные в ней изменения с принятием концепции «исламского социализма», оставшиеся актуальными и после отказа от рассматриваемой модели развития.

Истоки дискурса об «исламском социализме» в Пакистане

Исламскую Республику Пакистан можно назвать «нарочно созданным полигоном» для постколониальных исследований: сконструированное в ходе процесса борьбы за независимость «государство мусульман» существует в рамках искусственно созданных границ, оспариваемых соседями.

Усвоившее западные (в основном англосаксонские) понятия о существующих политических системах и ходе политического процесса руководство Пакистана пыталось построить нацию-государство по европейскому образцу при отсутствии многовековой истории генезиса самой нации. Отцам-основателям государства предстояло создать уникальный в своём роде политико-идеологический проект, основой которого должна была стать принадлежность к мусульманской общине.

Парадоксально, но именно апелляция к мусульманской общине и является свидетельством ориенталистского подхода политических элит Пакистана, стремившихся построить «государство мусульман» с опорой лишь на собственные представления о мусульманах Индостана. Как отмечал Эдвард Саид, «... оременный ориентализм проистекает из секуляризирующих элементов европейской культуры XVIII в. <...>. Реконструировать мёртвый или возродить утраченный восточный язык означало в конечном свете возродить мёртвый или забытый Восток. Это также означало, что точная реконструкция, наука и даже воображение могли подготовить путь тому, что армии, администрации и бюрократии позже будут делать в восточных землях. В некотором смысле оправданием ориентализма были не только его интеллектуальные или художественные успехи, но и эффективность, полезность, авторитет» (Саид 2021: 192–196).

Взгляды Саида не раз подвергались критике и, разумеется, не являются общепринятыми. Можно согласиться с утверждением, что «постмодернистская, марксистская и фрейдистская оптика Саида зачастую приводит исследователей к продвижению императивно устанавливаемой мнимой логической связи между продуктами культуры и политическими практиками на Востоке» (Панарин 2015). Однако, на наш взгляд, неоднократные попытки военно-гражданского руководства Пакистана заложить «исламский социализм» как основу идеологии конструируемого нации-государства всё же позволяют говорить об ориенталистском мышлении пакистанских элит.

Лидеры национально-освободительного движения и отцы-основатели Пакистана стали апеллировать к исламу в первую очередь не как к религии, а как к комплексу норм и правил, конституирующих особую социальную группу мусульман в составе индийского общества. Так появилась «теория двух наций», обосновывающая необходимость создания на территории бывшей Британской Индии отдельных государств для индусов и мусульман.

Стоит отметить, что на протяжении многих веков распространения и развития ислама в Южной Азии мусульманские общины не имели единых религиозных авторитетов, а также не отличались наличием унифицированной системы горизонтальных и вертикальных связей. В результате, конструирование мусульманской общности в Британской Индии стоит назвать скорее ситуационно обусловленным феноменом, чем прямым результатом развития исторического процесса (Филимонова 2010а).

Так, «духовный отец Пакистана» Мухаммед Икбал в президентском послании к Мусульманской лиге в Аллахабаде в 1930 г. заявлял: «Следовательно, я требую образования консолидированного государства мусульман в интересах Индии¹ и ислама. Для Индии это будет означать безопасность и мир в результате устоявшегося внутреннего баланса сил; исламу это даст возможность освободиться от клейма, оставленного арабским империализмом, задействовать его правовые нормы, образовательные стандарты, культурные особенности и сблизить их с первоначальным духом ислама, а также с духом настоящего времени»².

Не отбрасывая ключевые идеи ислама о солидарности мусульман в глобальном масштабе, Икбал всё же встаёт на позиции территориального национализма, используя социокультурное наследие мусульман в качестве основы антикапиталистической идеологии в защиту эксплуатируемых классов – непосредственно религиозное наполнение ислама при этом нарочно размывалось (Белокреницкий 2015: 23–24).

¹ Имеется в виду весь полуостров Индостан, находившийся в то время под властью британской колониальной администрации.

² *Sir Muhammad Iqbal's 1930 Presidential Address to the 25th Session of the All-India Muslim League*. Allahabad, 29 December, 1930. URL: http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00islamlinks/txt_iqbal_1930.html (accessed:18.10.2023)

Одновременно с этим пакистанские элиты, как и элиты многих азиатских государств (Индии, Индонезии, Бирмы), с интересом восприняли западные идеи фабианского социализма: их привлекал меньший радикализм такой интерпретации политического учения, при этом общий посыл был призван вызвать интерес у широких масс – будущих избирателей (Javed 2015).

Руководство Пакистана в дальнейшем смешивало дискурс западных левых политических учений и исламских представлений о социальной справедливости. Использование такой риторики давало возможность пакистанским элитам обеспечивать лояльность населения в краткосрочной перспективе, но на продолжительном отрезке времени несоответствие лозунгов и существующих реалий позволяло контрэлитам воспользоваться этой ситуацией.

Эволюция концепции «исламского социализма» в первые десятилетия существования Пакистана

«Вы лишь выражаете мои чувства и чувства миллионов мусульман, когда говорите, что Пакистан должен крепко стоять на началах социальной справедливости и исламского социализма – никакое учение так не подчёркивает равенство и братство между людьми», – обращался к понятию социализма основатель южноазиатского государства М.А. Джинна (Jinnah 2000: 166).

Впоследствии все руководители страны вне зависимости от конфигурации сложившейся на тот момент политико-административной системы управления государством или иных факторов так или иначе обращались к идеям социальной справедливости «с исламской спецификой». Обращались к ним и противники властей: в 1951 г. был раскрыт заговор офицеров в Равалпинди, которые были уличены в подготовке военного переворота в сотрудничестве с Коммунистической партией Пакистана (Ahmed 2010: 255).

Уже в ходе первого военного правления после переворота 1958 г. генерал М. Айюб Хан кардинально изменил систему управления страной с принятием новой Конституции 1962 г.: парламентская форма правления заменялась на президентскую, была сохранена система не прямых выборов главы государства и депутатов законодательных собраний (Huq 1966). Однако официально закреплённые ценностные ориентиры в социальной сфере не подверглись серьёзным изменениям, пусть термин «исламский социализм» и вышел из употребления – с 1954 по 1972 гг. Коммунистическая партия Пакистана находилась под запретом, а политические лидеры страны предпочитали не использовать дискурс коммунистов (Белокреницкий, Москаленко 2008: 246).

При этом Основной закон подразумевал, что Пакистан базируется на «исламских принципах социальной справедливости», а мусульманам предоставлялась возможность «частным и коллективным образом строить свою жизнь

в соответствии с основными принципами и идеями ислама, изложенными в Священном Коране и Сунне»³.

Несмотря на апелляцию к идеям ислама и социальной справедливости, военный режим Айюб Хана всё же проводил экономическую политику в интересах крупных и средних промышленников. Аграрная реформа была нацелена на снижение роли помещиков-землевладельцев и подъём фермерских хозяйств, частные промышленные предприятия получали субсидии и налоговые льготы в целях стимулирования экспорта. Главной целью экономической политики тех лет стали высокие темпы экономического роста (Каменев 2014: 76–77). Режиму Айюб Хана удалось её достичь: наблюдаемые в этот период рекордные темпы прироста ВВП (6,6 п.п.), прироста промышленного производства (9,9 п.п.), возросшая производительность труда (3,39 п.п.) позволили исследователям обозначить его как «десятилетие развития» (Галищева 2018: 21–23).

Однако успехи в рамках макроэкономической модели, ориентированной на развитие частного капитала, сопровождались ростом социальной напряжённости, имущественным неравенством, диспропорциями в развитии отдельных территорий – в особенности, Восточного Пакистана. Итоговую черту под накопившимися политическими и социально-экономическими противоречиями подвели восстание в Восточном Пакистане и третья индо-пакистанская война 1971 г. за независимость будущей Бангладеш.

Поражение Пакистана привело к падению военного режима и поставило новое гражданское руководство страны перед необходимостью найти новую долгосрочную модель развития, поскольку предыдущая себя не оправдала. Итогом «десятилетия развития» стал не только разгром в войне и социально-экономический кризис, но и фактический распад страны на две части, сопровождаемый падением авторитета Пакистана на международной арене. Такая ситуация вынудила нового президента (занявшего после принятия новой Конституции 1973 г. пост премьер-министра) З.А. Бхутто предпринять радикальные меры как во внутренней, так и во внешней политике.

Реализация политики «исламского социализма» при З.А. Бхутто: внутриполитическое измерение

«Ислам – наша вера, демократия – наша политика, социализм – наша экономика, вся власть – народу» – эти четыре лозунга открывали предвыборную программу Пакистанской народной партии, ПНП (*Pakistan People's*

³ *The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan (As Modified up to the 10th April)*. Karachi. 1968. P. 1-2. URL: <https://factfocus.com/wp-content/uploads/2021/03/Constitution-of-Islamic-Republic-of-Pakistan-1962-with-Appendix-and-Index.pdf> (accessed:18.10.2023)

Party, PPP)⁴. Хотя сам Бхутто никогда не отличался симпатией к идеям социализма (а потому главными теоретиками режима и проводниками социалистических реформ выступили левые интеллектуалы М. Хасан и Д.А. Рахим – оба политика занимали пост генерального секретаря ПНП), созданная им партия была призвана отвечать запросам населения на большую социальную справедливость. Намерение «занять особняки богачей и превратить их в больницы для бедняков», лёгкие для запоминания обещания снабдить широкие массы «едой, одеждой и жильём» обеспечили ПНП поддержку во всём Западном Пакистане (Malhotra 2003: 257).

20 декабря 1971 г. сменивший в 1969 г. Айюб Хана на посту президента страны генерал А.М. Яхья Хан передал полномочия главы государства и администратора военного положения З.А. Бхутто, в прошлом – функционеру военного режима, перешедшему в оппозицию и заявившему о своих социалистических взглядах после конфликта с верховным руководством страны.

Уже в январе 1972 г. новый правитель Пакистана объявил о национализации предприятий десяти важнейших отраслей экономики, а именно – сталелитейной и металлообрабатывающей промышленности, машиностроения и двигателестроения, химической и нефтехимической промышленности, а также фирм страхования. Спустя год список дополнили ориентированные на экспорт рисоводство и хлопководство, а с 1 января 1974 г. было объявлено о национализации всех пакистанских частных банков.

Национализация предприятий сопровождалась широко освещаемыми арестами членов «промышленных семей» и покровительствовавших им чиновников. Зачастую показательные репрессии касались лишь управляющих предприятиями, владельцы оставались на свободе и были вольны распоряжаться своими активами как им заблагорассудится. При этом гораздо меньшее давление оказывалось на крупных землевладельцев, выступавших в качестве опоры режима З.А. Бхутто среди элитных групп (Badejo 1988).

З.А. Бхутто, будучи выходцем из среды крупных землевладельцев, с течением времени перестал уделять внимание программам экономистов социалистической ориентации и перешёл к реализации «реактивной» макроэкономической политики с целью получения поддержки со стороны крупных игроков аграрного сектора. Так, в ходе уже третьей волны национализации промышленных предприятий в 1976 г. три четверти предприятий агропромышленного комплекса фактически перешли под контроль «феодальной аристократии» (Kiran 2020: 136–138).

⁴ *Manifestos of Pakistan People's Party, 1970 & 1977*. URL: <http://sanipanhwar.com/Manifestos%20of%20Pakistan%20Peoples%20Party%201970%20and%201977.pdf> (accessed:18.10.2023)

Отход от продуманной, хотя и местами неоднозначной макроэкономической политики, в пользу экстренных мер по спасению экономики вряд ли могли исправить сложившееся к 1977 г. положение. Ко всему прочему, к тому моменту режим З.А. Бхутто потерял прежние позиции и во внутривнутриполитической конфигурации.

Обращение к «исламскому социализму» в конце 1960-х – начале 1970-х гг. было продиктовано не только плачевным состоянием экономики, требующей прямого вмешательства государства, но и идеологическим кризисом, ставящим под вопрос состоятельность пакистанской государственности.

Ислам и его социокультурные нормы, согласно «теории двух наций», являлись достаточным основанием для существования государства мусульман в Южной Азии. Отцы-основатели Пакистана не желали принимать во внимание различия между представителями народов белуджи и синдхи, а также пуштунами и панджабцами – не говоря уже о бенгальцах. Волнения в Белуджистане, на территории нынешней провинции Хайбер-Пахтунхва (до 2010 г. – Северо-западной пограничной провинции и до 2018 г. – Территорий племен федерального управления), а также полноценная гражданская война в Восточном Пакистане (будущая Бангладеш) с последующим фактическим распадом государства на две части заставили Исламабад искать ответ на вызов в лице центробежных тенденций, обусловленных различиями в этнотерриториальной идентификации пакистанского населения.

З.А. Бхутто принял решение противопоставить этнонационализму, получившему дополнительный импульс после победы бенгальцев, «исламизацию» пакистанского общества в том виде, как его представляло руководство ПНП. Предпринятые усилия по «исламизации» носили самый общий характер⁵, поскольку были призваны объединить всех существующих в стране представителей интерпретаций ислама, а не разъединить их (Филимонова 2010b).

Но попытка запустить процесс «исламизации» Пакистана объединила не только сторонников З.А. Бхутто, но и его противников – в первую очередь, исламистские партии. Одним из самых ярких оппонентов власти стал маулана Саед Абул Ала Маудуди, лидер партии «Джамаат-е ислами» (Исламское общество, *Jamaat-e-Islami, II*), требовавший создания «подлинно исламского государства». Мусульманские богословы даже издали фетву, в которой концепция «исламского социализма» объявлялась «атеистической идеологией» и «анти-исламской пропагандой». З.А. Бхутто в свою очередь обвинял клерикалов в отсутствии поддержки идеи образования Пакистана в процессе национально-освободительного движения, а также в отказе объявить борьбу за Кашмир джихадом (Sanghro, Chandio 2019).

⁵ Создание шариатских судов, советов по исламской идеологии, запрет продажи и распития алкогольных напитков, азартных игр и т. д.

Переход от левого к исламистскому популизму не спас положение: многочисленные факты фальсификации итогов всеобщих выборов 1977 г. вызвали в стране политический кризис, результатом которого стал военный переворот и падение режима З.А. Бхутто.

Но такой итог не был предопределён. Изначально концепция «исламского социализма» была взята на вооружение исходя из опыта «стран социалистической ориентации», где соответствующие реформы приносили свои плоды и обеспечивали устойчивость политических режимов. Неудивительно, что попытки провести преобразования по социалистическому образцу внутри страны сочетались с попыткой переосмыслить общую внешнеполитическую стратегию Пакистана, важное место в которой должны были занять страны социалистического лагеря.

Концепция «исламского социализма» и внешняя политика Пакистана в отношении «второго мира»

Геостратегическое положение Пакистана обуславливает как очевидные преимущества для внешнеполитической деятельности, так и уязвимые места. С одной стороны, протяжённая береговая линия вдоль Аравийского моря на территории провинций Синд и Белуджистан позволяет строить военно-морскую и гражданскую портовую инфраструктуру для взаимодействия со странами Персидского залива и другими государствами региона Индийского океана; сухопутная граница с Ираном и Китаем позволяет налаживать сотрудничество с этими крупными политическими и экономическими субъектами мировой экономики и политики; граница с Афганистаном кроме кооперации непосредственно с Кабулом гарантирует выход на рынки Центральной Азии, в перспективе – с Россией. Эти условия принято обозначать как объективные факторы, обуславливающие безальтернативность союзнических отношений Пакистана с КНР и странами Залива.

С другой стороны, все вышеперечисленные преимущества (за исключением границы с КНР) подразумевают и ряд угроз: сложные отношения Исламабада с любым правительством в Кабуле не только препятствовали признанию Афганистаном линии Дюранда⁶ в качестве официальной границы между странами и увеличению «стратегической глубины» Пакистана⁷, но и усугубили ситуацию

⁶ Линия Дюранда – проведённая в 1893 г. колониальной администрацией граница между Британской Индией и Афганистаном, разделяющая пуштунское население на две страны. Все афганские правительства требовали пересмотра границы, Пакистан настаивает на её окончательном признании.

⁷ Стратегическая глубина – понятие, широко используемое южноазиатскими военными и политическими стратегами. В разном контексте используется и как военный термин, подразумевающий наличие пространства на территории Афганистана для перегруппировки пакистанских вооружённых сил в случае нападения Индии, и как политика недопущения изоляции Пакистана в случае прихода к власти в Афганистане проиндийского правительства.

в провинции Хайбер-Пахтунхва, населённой этническими пуштунами. Напряжённые отношения с Ираном осложняются не только противоречиями относительно развития Афганистана, но и проблемой сепаратизма народа белуджи, проживающего одновременно в Пакистане, Иране и Афганистане. Наконец, протяжённая граница с Индией и непосредственная географическая близость ключевых пакистанских объектов – экономической столицы, Карачи, портов на Макранском побережье и шоссе Карачи–Лахор к предположительному театру военных действий в ходе возможного конфликта (Aguillar et al. 2011), с точки зрения Исламабада, являются экзистенциальной угрозой самому существованию Пакистана. Ситуация осложняется уверенностью пакистанской общест-венности в том, что «стратегический противник»⁸ видит в качестве своей конечной цели «уничтожение Пакистана», что якобы подтверждается неприятием идеи «государства мусульман» со стороны индийских элит ещё в период национально-освободительного движения (Waseem 2021: 103–104).

В первые десятилетия независимости пакистанское руководство выстраивало внешнюю политику, руководствуясь, прежде всего, стремлением парировать те или иные угрозы, а потому страна, в отличие от Индии, не стала делать ставку на политику неприсоединения и уже в 1950-е гг. вошла в блок западных держав, предлагавших помощь в обмен на «сдерживание коммунизма». В 1954 г. Пакистан присоединился к Манильскому пакту (Организация Договора Юго-Восточной Азии, South-East Asia Treaty Organization, SEATO), а в 1955 г. – к Багдадскому пакту (Организация Центрального Договора, Central Treaty Organization, CENTO).

Как выяснилось, участие Пакистана в Холодной войне на стороне США не гарантировало поддержку американцев в критические для Исламабада моменты. Хотя пакистанские вооружённые силы в результате интенсивного военнотехнического сотрудничества с США не уступали противнику в оснащении и подготовке, отсутствие дипломатической поддержки со стороны Вашингтона в ходе второй индо-пакистанской войны 1965 г. и наложенное американцами на воюющие стороны оружейное эмбарго не позволили пакистанским военным развить тактические успехи и одержать решительную победу. В ходе третьей индо-пакистанской войны 1971 г.⁹ США также не выступили в защиту своего союзника, ограничившись выступлением в ООН и демонстративным появлением оперативного соединения военно-морских сил США (Task Force 74) в Бенгальском заливе (Colbert, McGruther 1974).

⁸ Как в пакистанских, так и в индийских СМИ и экспертных комментариях для обозначения Индии и Пакистана соответственно используется термин «archival».

⁹ Первая (октябрь 1947 – декабрь 1948 гг.) и вторая (август–сентябрь 1965 г.) индо-пакистанские войны – вооружённые конфликты из-за территориального спора между Пакистаном и Индией по поводу принадлежности Кашмира. Причиной третьей (декабрь 1971 г.) стало стремление Восточного Пакистана (ныне Бангладеш) обрести независимость, на стороне которого выступила Индия.

Такое поведение американцев может быть объяснено первоначальной переоценкой значимости Пакистана в региональной системе безопасности американскими стратегами в администрации президента Д. Эйзенхауэра и недооценка степени недовольства Индии и Афганистана, проявившихся после вступления Пакистана в вышеуказанные договоры безопасности и предоставления ему военной помощи (Raghavan 2019: 175–178).

В условиях ненадёжности традиционного партнёра в лице США руководство Пакистана было вынуждено отойти от блоковой внешней политики и обратить внимание на иных потенциальных партнёров. З.А. Бхутто взял на вооружение так называемую стратегию «билатерализма»: было принято решение развивать отношения не только со странами «первого», но и «второго» мира. С тех пор важнейшим партнёром Пакистана на десятилетия вперед стала Китайская Народная Республика.

Китайско-пакистанскому сближению способствовало несколько факторов. Во-первых, индийско-китайское противостояние, вылившееся в пограничную войну 1962 г. и закончившееся поражением Индии, обусловило возможность для Исламабада и Пекина выстраивать общую стратегию против Нью-Дели. Во-вторых, внимание США к Пакистану в качестве «форпоста на пути распространения коммунизма» в Южной Азии стало ослабевать, поскольку конфликт между Индией и Китаем давал Вашингтону надежду на то, что Нью-Дели сможет стать новым региональным союзником американцев в противовес Пекину. И наконец, с ростом антиамериканизма в Пакистане и сохранением недоверия к Москве пакистанским элитам и обществу всё больше импонировала риторика Мао Цзэдуна, призывающая к противостоянию одновременно «империалистической» политике США и «ревизионистской» политике Советского Союза. Кроме того, маоистская теория «крестьянской революции» отвечала запросам преимущественно сельского населения Пакистана, недовольного диспропорциональным в масштабах страны обогащением городов и промышленников в годы правления президента М. Айюб Хана (Ahmed 2010: 256–258).

Пекин стал первой столицей, куда З.А. Бхутто прибыл с официальным визитом в феврале 1972 г. – особое внимание развитию отношений с КНР поддерживалось на протяжении всего периода его пребывания у власти. КНР способствовала строительству комплекса тяжёлого машиностроения в Таксиле (Heavy Mechanical Complex in Taxila) и Авиапромышленного комплекса в Камре (Pakistan Aeronautical Complex) – ключевых предприятий пакистанского ВПК, первоначально предназначенных для ремонта и выпуска запчастей для китайской техники (Кашин 2019: 14). При этом значительную часть вооружений поставляли из Китая: Пакистан получил 500 танков Т-59, 300 самолетов F-6, 25 военных кораблей (Белокреницкий, Москаленко 2008: 272). Заложенный в годы правления З.А. Бхутто фундамент военно-технического сотрудничества между Китаем и Пакистаном остаётся краеугольным камнем «всепогодного партнёрства» и в наши дни.

Несмотря на наметившийся в начале 1960-х гг. разлом в мировом коммунистическом движении между двумя центрами силы – Москвой и Пекином, а также традиционно антисоветскую позицию Исламабада, решительная поддержка Москвой Нью-Дели в индо-пакистанской войне 1971 г. натолкнула З.А. Бхутто на мысль о необходимости выстраивания конструктивных отношений с Советским Союзом. Кроме того, ещё в бытность министром энергетики, связи и промышленности в правительстве М. Айюб Хана будущий лидер Пакистана курировал советско-пакистанские проекты по разведке и добыче полезных ископаемых в Пакистане.

З.А. Бхутто прибыл с визитом в Москву уже в марте 1972 г., где получил благожелательный прием и заручился гарантиями развития советско-пакистанских политических и экономических связей. Политическое сближение с Советским Союзом и социалистическим лагерем было закреплено выходом Пакистана из Британского Содружества и СЕАТО, развитием связей с КНДР, ГДР, Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ) и Демократической Кампучией, Организацией Освобождения Палестины (ООП) (Kiran 2020: 141–143). Высшей точкой советско-пакистанской экономической кооперации стало строительства металлургического комбината в Карачи, строительство велось на выданный в 1973/74 финансовом году¹⁰ советский кредит и было завершено в 1985 г.

Наметившееся в годы правления З.А. Бхутто развитие советско-пакистанских отношений было прервано военным переворотом 1977 г. и приходом к власти генерала М. Зия-уль-Хака, использовавшего ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в 1979 г. в качестве возможности вновь занять важное место в стратегических приоритетах США, опиравшихся на Пакистан как на «прифронтовое государство» на очередном участке Холодной войны. Даже при отсутствии внушительных успехов на советском направлении, Бхутто стремился сбалансировать внешнюю политику Пакистана и заручиться поддержкой социалистического лагеря. Если эту задачу можно назвать выполненной лишь частично и на непродолжительный срок, то третий вектор внешнеполитической деятельности Исламабада в рассматриваемый период – развитие связей с исламским миром – остаётся ключевым фактором, влияющим на положение Пакистана и в современной мировой политике.

Развитие связей с мусульманскими странами являлось продолжением общей идеологии «исламского социализма», согласно которой Пакистан призван бороться с проявлениями «империализма и неоколониализма», защищая «угнетенные народы» и проявляя «солидарность с мусульманами»¹¹. Ключевое значение для повышения роли исламского мира сыграл нефтяной кризис 1973 г.,

¹⁰ Финансовый год в Пакистане охватывает период с 1 июля по 30 июня.

¹¹ *Manifestos of Pakistan People's Party, 1970 & 1977*. URL: <http://sanipanhwar.com/Manifestos%20of%20Pakistan%20Peoples%20Party%201970%20and%201977.pdf> (accessed:18.10.2023)

наступивший вслед за войной Судного дня между Израилем и коалицией арабских государств. Твёрдая позиция Пакистана по поводу непризнания Государства Израиль и защиты палестинского народа в русле риторики «исламского социализма» закрепили за Исламабадом роль одного из главных защитников мусульман по всему миру.

Последовавшее следом решение монархий Персидского залива наложить эмбарго на поставки нефти в страны Запада, поддержавшие Израиль, в долгосрочной перспективе усугубило положение энергетического сектора в Пакистане, но продемонстрировало Исламабаду необходимость поддерживать добрососедские отношения с ближайшими соседями. Военно-гражданское руководство страны сделало ставку на становление Пакистана в качестве важного элемента регионального комплекса безопасности: поддерживались регулярные контакты на уровне начальников штабов вооружённых сил и министров обороны, пакистанские военные оказывали содействие в обслуживании военной техники и подготовке личного состава вооружённых сил стран Залива (Москаленко 1984: 215–220).

«Звездным часом» З.А. Бхутто стало проведение второй исламской конференции в Лахоре, состоявшейся в феврале 1974 г. В саммите приняли участие представители 38 государств, в том числе король Саудовской Аравии Фейсал и президент Египта А. Садат. Объявленное накануне признание Бангладеш и приглашение лидера страны М. Рахмана свидетельствовало о миролюбивом настрое Исламабада по отношению к «бывшим соотечественникам». Присутствовал на саммите и другой всемирно известный теоретик «исламского социализма» – лидер Ливийской Джамахирии М. Каддафи.

Внешняя политика З.А. Бхутто не только вывела Пакистан из кризиса после унижительного поражения в войне, но и дала возможность стране по-новому позиционировать себя на международной арене благодаря риторике «исламского социализма». Отказ от иллюзий в отношении американских обязательств по обеспечению безопасности Пакистана позволил заложить основу для долгосрочного партнёрства с КНР и странами Залива, а также создать прецедент для дальнейшего сотрудничества с Советским Союзом и Российской Федерацией.

Наследие «исламского социализма» во внутренней и внешней политике Пакистана

Премьер-министру не удалось претворить в жизнь установки «исламского социализма», но проводимый им курс оказал большое влияние на последующее развитие пакистанской политической культуры. Во-первых, процесс «исламизации» легитимизировал исламистские партии, которые стали опорой военного режима М. Зия-уль-Хака в 1980-е гг. и одной из ключевых политических сил в последующие десятилетия.

Во-вторых, хотя социалистические идеи не пользуются популярностью у элиты страны, нынешние светские политические силы (Пакистанская мусульманская лига Наваза Шарифа, Пакистанская народная партия, Движение за справедливость) также не могут игнорировать общественный запрос на социальную справедливость, а Б. Бхутто-Зардари (внук З.А. Бхутто и лидер ПНП) напрямую апеллирует к наследию своего деда. При этом его политическим конкурентам (И. Хану и семье Шарифов) не мешает периодически использовать схожий дискурс ни отсутствие партийной истории в 1970-е гг. в первом случае, ни классовое происхождение (Шарифы являются крупными панджабскими промышленниками) во втором.

Наконец, риск присвоения повестки «исламского социализма» радикальными группировками, самой заметной из которых является «Движение Талибан Пакистана»¹² (ДТП, Tehreek-e-Taliban Pakistan, ТТР), будет и впредь вынуждать политические элиты страны использовать социально ориентированные лозунги с тем, чтобы не допустить их апроприации экстремистскими элементами.

Возвращение к стратегическому альянсу с США после военного переворота и войны в Афганистане не повлияли на внешнеполитические приоритеты Пакистана, закреплённые в годы правления З.А. Бхутто. Во-первых, Пекин остался одним из главных политических и экономических партнёров Исламабада. Этому не помешало и глобальное американо-китайское противостояние. Несмотря на зависимость от американской финансовой и военно-технической поддержки, Пакистан не готов идти на уступки США в вопросах сотрудничества с КНР.

Во-вторых, Исламабад продолжает позиционировать себя в качестве одного из лидеров исламского мира. Более того, проведение ядерных испытаний в 1998 г. позволили военно-гражданскому руководству страны с гордостью заявлять о том, что ядерное оружие Пакистана принадлежит всему исламскому миру. В отношениях со странами Залива при этом важную роль играют не столько вопросы престижа, сколько энергетические связи, инвестиционное сотрудничество и условия проживания пакистанских трудовых мигрантов – проблемы, которые не сойдут с пакистанской повестки дня.

Наконец, развитие российско-пакистанских связей в последние годы также может рассматриваться как продолжение отношений, заложенных в годы правления З.А. Бхутто. Так, строительство металлургического комбината в Карачи остаётся значимым примером российско-пакистанского сотрудничества, ориентироваться на который призывают обе стороны.

¹² Организация признана террористической и запрещена в России.

Заключение

Пакистан не является государством, исторически выстроенным на взаимодействии социальных групп, в результате образовавших нацию-государство. «Государство мусульман» было *создано* исходя из идеи, согласно которой ислам и его социокультурные нормы являются достаточным основанием для выделения мусульман колониальной Индии в отдельную нацию. При этом отцы-основатели государства апеллировали к исламу в первую очередь не как к религии, а как к секуляризованному комплексу норм и правил.

Одновременно с этим увлечение западными левыми идеями подтолкнуло лидеров национально-освободительного движения искать «социалистические» установки в мусульманских религиозных текстах, что указывает на ориенталистский тип мышления пакистанских элит. Имеющие слабое представление о значении ислама в жизни мусульман Британской Индии, получившие западное образование интеллектуалы предпочли не замечать разницу в восприятии ислама у разных народов будущего Пакистана и самостоятельно выделили особенности «исламского мировоззрения», среди которых нашлось место и понятиям о социальной справедливости. Так возникла концепция «исламского социализма», пользовавшаяся популярностью на всех этапах развития Пакистана и повлиявшая на внешнеполитическую стратегию страны.

Геостратегическое положение Пакистана дало стране не только определённые преимущества, но и подчеркнуло его уязвимые места, что вынудило пакистанское руководство изначально ориентироваться на США и их союзников в Холодной войне. Переоценка надёжности стратегического союзника в контексте противостояния с Индией привела Пакистан к поражению в войне 1971 г., поставившему вопрос о необходимости переосмыслить внешнеполитические приоритеты Исламабада.

В результате Пакистан стал активнее сотрудничать со странами «второго и третьего мира», закладывая основы «всепогодного партнёрства» с КНР, налаживая отношения с СССР и его союзниками, формируя образ одной из ключевых стран исламского мира.

Внутриполитические неудачи привели к падению режима З.А. Бхутто, но его риторику взяли на вооружение все современные политические силы страны, а также радикальные группировки. Основные векторы внешней политики, заложенные в период «исламского социализма», также не ушли из повестки после военного переворота. Обозначенные в 1970-е гг. и конъюнктурно обусловленные внешнеполитические приоритеты составляют основу пакистанской стратегической культуры вот уже несколько десятилетий и воспринимаются как традиционные вневременные императивы пакистанской внешней политики.

Об авторе:

Глеб Григорьевич Макаревич – младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. 117997, Россия, Москва, улица Профсоюзная, 23.

E-mail: gmakarevich@imemo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 94:327(549.1)
Received: April 28, 2023
Accepted: October 22, 2023

«Islamic Socialism» in Pakistan: Evolution, Implementation and Legacy in Domestic and Foreign Policy

G.G. Makarevich

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-5-92-58-76](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-58-76)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Abstract: The article examines the phenomenon of "Islamic socialism" in Pakistan and its impact on the nation's current domestic and foreign policies. Employing critical theory, the author delves into an analysis of the political class's objectives and how the environmental context influenced the political process, offering insights into the perceptions held by higher echelons. The application of elite theory allows for a deconstruction of the Pakistani statehood, unveiling the specific social groups shaping developmental trajectories. By leveraging historical sociology in international relations, the article investigates the influence of historical underpinnings on the decision-making of social groups, shedding light on their endeavors to construct the past for political purposes.

The study meticulously traces the origins of "Islamic socialism," exploring the discourse's evolution in the initial decades following the country's independence. It identifies the driving forces that led the state leadership to adopt the model of "Islamic socialism." Focused on the tenure of Zulfikar Ali Bhutto (1971–1977), the article examines the implementation of the "Islamic socialism" policy and the subsequent reasons for its failure, culminating in a military coup. The author contends that the principles of "Islamic socialism" introduced in Pakistan's domestic and foreign policy retained relevance even after its rejection.

Conclusively, the article posits that the "Islamic socialism" constructed by Pakistani elites, often viewed through an orientalist lens, emerged not only as a response to the crisis in Pakistani statehood but paradoxically, became a crucial driver in shaping Islamabad's foreign policy determinants. Notably, this development forged integral relationships with China and the Islamic world, evolving into pivotal imperatives in Pakistan's grand strategy.

This study highlights the interplay between "Islamic socialism," the crisis in Pakistani statehood, and its unforeseen impact on foreign policy, ultimately forming the bedrock for Islamabad's strategic engagements with China and the Islamic world.

Keywords: Pakistan, Islamic socialism, orientalism, US, China, Islamic world

About the author:

Gleb G. Makarevich – Junior Research Fellow of Centre of the Indo-Pacific Region of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: gmakarevich@imemo.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Aguilar F., Bell R., Black N., Falk S., Rogers S., Peritz A. 2011. *An Introduction to Pakistan's Military*. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School.
- Ahmed I. 2010. The Rise and Fall of the Left and the Maoist Movements in Pakistan. *India Quarterly*. №3. P. 251–265. DOI: 10.1177/097492841006600302
- Badejo B.A. 1988. Bhutto and the PPP's Socialism? *India Quarterly*. №3/4. P. 240–252.
- Colbert R.G., McGruther K.R. 1974. The Role of Perception in Naval Diplomacy. *Naval War College Review*. №2. P. 3–20.
- Huq M. 1966. Electorates and elections in Pakistan. *Civilisations*. №1. P. 45–56.
- Javed I. 2015. Theory and Practice of Fabian Socialism: A Case Study of Pakistan. *Pakistan Horizon*. №1. P. 103–123.
- Jinnah M.A. 2000. *Speeches and Statements 1947–1948*. Karachi: Oxford University Press. 242 p.
- Kiran N. 2020. Z.A. Bhutto's Cabinet: A Study of Its Role in Formulation of Economic and Foreign Policy, 1971–1977. *Journal of the Research Society of Pakistan*. №2. P. 133–152.
- Malhotra I. 2003. *Dynasties of India and Beyond: Pakistan, Sri Lanka, Bangladesh*. New Delhi: HarperCollins Publishers India. 363 p.
- Raghavan S. 2019. *The Most Dangerous Place: A History of United States in South Asia*. Haryana: Penguin Random House India. 472 p.
- Sanghro R. R., Chandio, J. A. 2019. Emerging the Concept of Islamic Socialism in Pakistan: Historical Analysis on Political Debates of 1970–1971 Election Campaign. *Journal of History Culture and Art Research*. №2. P. 51–61. DOI: 10.7596/taksad.v8i2.2042
- Siddiqi A. 2020. *The Convergence of Pakistan and Gulf Strategic Interests: An Assessment*. Ankara: Center for Middle Eastern Studies. 26 p.
- Waseem M. 2021. *Political Conflict in Pakistan*. London: C. Hurst & Company. 576 p.
- Belokrenitskii V.Ya. 2015. Osobennosti natsionalizma i natsii-gosudarstv na Vostokey, v islamskom mire (na primere Pakistana) [Features of Nationalism and Nation-States in the East, in the Islamic World (exemplified by Pakistan)]. Belokrenitskii V.Ya., Ulchenko N. Yu. (eds) *Natsii i natsionalizm na musul'manskom Vostokey* [Nations and Nationalism in Muslim East]. Moscow: IV RAN. P. 15–35. 488 p. (In Russian)

Belokrenitskii V.Ya., Moskalenko V.N. 2008. *Istoriya Pakistana. XX vek.* [History of Pakistan, 20th Century]. Moscow: IV RAN, Kraft+. 640 p. (In Russian)

Filimonova A.L. 2010a. Ideya Pakistana: predystoriya formirovaniya [Idea of Pakistan: Pre-history of Formation]. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies.* №3. P. 84–101. (In Russian)

Filimonova A. L. 2010b. Kontseptsiya "islamizatsii" v politike formirovaniya pakistanskoi natsii (1970–1980-e gg.) [Concept of «Islamization» in the Policy to Establish Pakistan's Nation (1970–1980)]. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies.* №4. P. 71–89. (In Russian)

Galishcheva N.V. 2018. *Ehkonomika Pakistana* [Economy of Pakistan]. Moscow: MGIMO-University. 373 p. (In Russian)

Kamenev S.N. 2014. *Ehkonomicheskoe razvitie Pakistana (1947–2012): makroehkonomicheskii analiz* [Economic Development of Pakistan (1947–2012): Macroeconomic Analysis]. Moscow: IV RAN, Centre of Strategic Conjecture. 384 p. (In Russian)

Kashin V.B. 2019. Kitaisko-pakistanskii otnosheniya [China-Pakistan Relations]. Borisov T. I., Makienko K. V. (eds.) *Pakistan: za ramkami stereotipov* [Pakistan: Behind the Stereotypes]. Moscow: Centre for Analysis of Strategies and Technologies. P. 11–19. 208 p. (In Russian)

Moskalenko V.N. 1984. *Vneshnyaya politika Pakistana: formirovanie i osnovnye etapy ehvolyutsii* [Foreign Policy of Pakistan: Formation and Main Stages of Evolution]. Moscow: «Nauka» Publishers. 299 p. (In Russian)

Panarin S.A. 2015. Ehdvard Said: kniga sofizmov. [Edward Said: Book of Sophisms]. *Historical Expertize.* 2(3). P. 78–105. (In Russian)

Said E. 2021. *Orientalism.* Moscow: Garage. 560 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Белокреницкий В.Я. 2015. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (на примере Пакистана). *Нации и национализм на мусульманском Востоке.* Под ред. Белокреницкого В.Я., Ульченко Н.Ю. Москва: ИВ РАН.

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. 2008. *История Пакистана. XX век.* Москва: ИВ РАН, Крафт+.

Галищева Н.В. 2018. *Экономика Пакистана.* Москва: МГИМО-Университет.

Каменев С.Н. 2014. *Экономическое развитие Пакистана (1947–2012): макроэкономический анализ.* Москва: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры.

Кашин В.Б. 2019. Китайско-пакистанские отношения. *Пакистан: за рамками стереотипов.* Под ред. Борисова Т.И., Макиенко К.В. Москва: Центр анализа стратегий и технологий.

Москаленко В.Н. 1984. *Внешняя политика Пакистана: формирование и основные этапы эволюции.* Москва: Издательство «Наука».

Панарин С.А. 2015. Эдвард Саид: книга софизмов. *Историческая Экспертиза.* 2(3). С. 78–105.

Саид Э. 2021. *Ориентализм.* Москва: Музей современного искусства «Гараж».

Филимонова А.Л. 2010а. Идея Пакистана: предистория формирования. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.* №3. С. 84–101.

Филимонова А.Л. 2010б. Концепция "исламизации" в политике формирования пакистанской нации (1970–1980-е гг.). *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.* №4. С. 71–89.